

Смерть генерала Кондратенко.

Послѣ паденія Высокой горы (высота 203 метр.), для насъ было уже ясно, что агонія крѣпости началась.

1-го февр. генераль Кондратенко былъ у насъ на фортѣ № 2-ой и опредѣлилъ безнадежное состояніе форта. Казематовъ не существовало у нея. Уже за недѣлю до 1-го февраля, онъ приказалъ минировать потерну къ казематамъ контръ-эскарпа и все, что еще уцѣлѣло отъ огня 12-ти дюймовыхъ снарядовъ.

Солдаты укрывались непосредственно подъ брустверомъ, на валгангахъ.

Ежедневно брустверь разрушался отъ снарядовъ, и по ночамъ нами ремонтировался.

Подъ нашими ногами, на валганкѣ бруствера ясно слышна минная работа японцевъ.

Потерна и часть контръ-эскарповой галлерей была за нами, но рва мы уже обстрѣливать не могли. Онъ былъ во власти врага.

Утромъ 2-го февр. японцы зажгли въ контръ-эскарповой галлерей, набросанные ими впереди ихъ бруствера, легкіе мѣшки, наполненные ими какимъ-то неизвѣстнымъ веществомъ.

Тѣдкій, ядовитый дымъ душилъ людей.

У сложенного нами изъ мѣшковъ въ галлерей бруствера пришлось мѣнять всякія двѣ минуты.

Вызванный къ намъ военный инженеръ полковникъ Рашевскій по вкусу и запаху опредѣлилъ присутствіе мышьяка.

Дали знать генералу Кондратенко.

Я работалъ по исправленію брустверовъ и ходовъ сообщенія по ночамъ.

2-го дек. вечеромъ я распредѣлялъ людей по работамъ и часовъ въ 8 вечера вошелъ въ офицерскую комнату въ горжевомъ казематѣ. Это былъ единственный уголокъ, чудомъ еще не совсѣмъ разрушенный на форту.

Здѣсь я увидѣлъ, что комната полна офицерами, пришедшими съ генераломъ на фортъ.

Генераль сидѣлъ на кровати, возлѣ круглаго стола. Противъ него на стулѣ сидѣлъ полковникъ Рашевскій.

Комендантъ форта, поручикъ Флоровъ, лежалъ, укрывшись шубою, на своей койкѣ, около того же стола.

Видимо генераль засталъ его отдыхающимъ и приказалъ не вставать. зная, что комендантъ имѣетъ отдыхъ только урывками.

Я присѣлъ въ ногахъ у коменданта на кровати, но генераль увидѣлъ меня и сказалъ: „А! прапорщикъ, здравствуйте“, и подалъ мнѣ руку. „Здравія желаю, ваше превосходительство!“ отвѣтилъ я.

„Ну вы совсѣмъ Робинзонъ Крузо, засмѣялся генераль. Я только-что вылѣзъ изъ глухой минной галлерей и полушубокъ мой былъ весь въ землѣ. Длинноволосая мохнатая папаха довершала сходство съ знаменитымъ авантюристомъ. Всѣ разсмѣялись.“

„Ну господа, пойдѣмъ посмотримъ контръ-эскарповую галлерей“, сказалъ генераль, и мы, кому слѣдовало, спустились черезъ потерну внизъ.

Къ этому времени, галлерей уже провѣтрилась отъ ядовитыхъ газовъ и стрѣлки поддерживали непрерывный огонь вдоль нея.

Въ отвѣтъ намъ въ бетонъ щелкали японскія пули.

Генераль поздоровался съ людьми, которые ему отвѣтили: „Здравія желаемъ, ваше превосходительство!“

Непріятель былъ отъ насъ въ 6-ти шагахъ. Даже простой разговоръ былъ ясно слышенъ.

Не разъ японцы здѣсь насъ спрашивали русскимъ языкомъ: „Что вы сегодня обѣдали? Получили ли полушубки и т. д.“

И дѣйствительно, только успѣлъ генераль съ нами обойти брустверь, гдѣ слушали подземную работу непріятеля и прочія работы и вошелъ въ казематъ, какъ, бывшая до того времени обыкновенная стрѣльба превратилось въ бомбардировку 280 мм. снарядовъ.

Задрожали, заколебались стѣны каземата. У насъ въ это время вѣстовые подали намъ ужинъ. Генераль поджидалъ

для совѣщанія генерала Горбатовскаго. Предметомъ совѣщанія должна была быть дальнѣйшая участь форта № 2, гдѣ ежедневно гибло много защитниковъ. Съ паденіемъ открытыхъ капонировъ №№ 2 и 3 фортъ потерялъ защиту мертваго пространства впереди себя.

Генераль вель бесѣду съ полковникомъ Рашевскимъ.

Рашевскій замѣтилъ: Удивительный это уголокъ на фортѣ; только онъ и уцѣлѣлъ непонятнымъ образомъ.

Генераль вынулъ изъ кармана знаки отличія Военнаго ордена Св. Георгія и возложилъ ихъ на груди заурядъ-прапорщика Смольянинова и, по представленію коменданта, фельдфебелю нестроевой роты запаснаго баталіона.

По этому поводу, генераль, поздравивъ ихъ, выпилъ за ихъ здоровье немного краснаго вина, которое онъ изъ своихъ средствъ прислалъ намъ на фортъ.

„Ваше Превосходительство! сказалъ я генералу, разрѣшите мнѣ выпить за ваше здоровье“.

„Пейте за свое собственное“, отвѣтилъ онъ, улыбнувшись.

На фортѣ съ адскимъ трескомъ рвались тяжелые снаряды.

Въ это время въ казематъ вошелъ мой старшій саперъ и доложилъ, что снарядъ разорвался на горжевомъ мосту.

Сходявъ и убѣдившись, что, хотя мостъ на половину разрушенъ, но что пройти по немъ еще можно, я доложилъ объ этомъ генералу. Онъ мнѣ на это ничего не отвѣтилъ. Я направился къ выходу изъ каземата на работы, но увидѣлъ на кровати у артиллериста банку съ карамелью и, сѣвши на кровать, развернулъ конфету. Сосѣдъ мой, поручикъ Крайко, тоже нагнулся надъ банкой.

Ослѣпительный блескъ заставилъ меня повернуть голову. Конецъ! мелькнуло въ моемъ сознаніи. Звука взрыва я не слышалъ. До сихъ поръ не могу сообразить, лишился ли въ этотъ моментъ сознанія? Первое чувство, охватившее меня, было ощущенія абсолютной тишины—тишины, никогда мною не испытанной. Истеричныя женщины говорятъ, что имъ это чувство знакомо.

Поразительно ярко предстало мнѣ сознаніе о происшедшей катастрофѣ.

Почувствовавъ на тѣлѣ давленіе тяжести, я вообразилъ, что на меня обрушился бетонъ каземата, и думалъ, что сейчасъ мои кости будутъ дробиться. Первое мое движеніе убѣдило меня, что я живъ и что руки и ноги дѣйствуютъ. Съ дикою энергіею я освободился изъ-подъ навалившихся на меня тру-

повь товарищей и выскочилъ черезъ дверь изъ каземата во дворъ форта.

При ясномъ лунномъ свѣтѣ я увидѣлъ мой полушубокъ и всю одежду облитые кровью и мозгами товарищей.

Я былъ потрясенъ всѣмъ существомъ моимъ. Солдаты окружили меня.

„Ваше благородіе! что дѣлать? Офицеры всѣ перебиты, спрашиваетъ меня бравый ундеръ. Готовиться къ штурму“.

„Резервы въ горжу!“ приказалъ я.

Соколомъ пошелъ унтеръ исполнять свой долгъ. Живъ ли онъ—не знаю.

Доставъ изъ кармана спички, я зашелъ въ казематъ. Отъ деревянной переборки не осталось слѣда. Вошли саперы со свѣчами. Въ углу, гдѣ я сидѣлъ—гора труповъ, брошенныхъ газами. На мѣстѣ стола лежала его доска, на ней ницъ лежалъ генералъ Кондратенко. „Что генералъ? спрашиваю я, убить“.

Одежда на трупахъ ярко загорѣлась. Со стономъ поднялся комендантъ поручикъ Флоровъ. Схвативъ его подъ руку, я вывелъ его съ форта и сдалъ санитарамъ. Начали выносить тѣла.

Въ казематѣ было 17 офицеровъ: 9 убито, 7 ранено. Меня Господь сохранилъ невредимо. Молодой красавецъ военный инженеръ Зедгенидзе цѣлый часъ мучился, пока испустилъ духъ.

Рядомъ съ офицерскою комнатою, гдѣ собственно и разорвался снарядъ, былъ перевязочный пунктъ. Здѣсь лежали раненые. Отсюда мы вытащили цѣлый рядъ труповъ солдатиковъ. Подъ кроватью коменданта поручика Флорова былъ нашъ складъ ручныхъ пироксилиновыхъ бомбъ. Онѣ всѣ уцѣлѣли.

Помню, что въ день похоронъ генерала японцы почти не стрѣляли.

Какъ память о покойномъ, генералъ Горбатовскій вручилъ мнѣ, ему доставленный, сорванный газами погонь. Нынѣ онъ составляетъ собственность Николаевской на Амурѣ саперной роты.

О. Ф. Бергъ.

